

БУДУЩЕЕ КАК ВЫЗОВ: творчество [коммунизма]

ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИИ КАК БЫТИЕ

*Булавка Людмила Алексеевна – д.ф.н.,
ведущий научный сотрудник Российского
института культурологии (Москва)*

Этот текст для меня особо значим: он синтезирует ряд предшествующих авторских работ по проблемам соотношения социального творчества и

культуры, опыту нескольких месяцев созидания нового общества Парижской коммуной и первых лет социального и культурного творчества в СССР. Акцент на этих проблемах не случаен. В них – я уверена – ключ к пониманию будущего как процесса социального освобождения, к пониманию творения истории как центральной проблемы общественного бытия.

* * *

Общественно-преобразующая деятельность революционных масс. Это понятие называлось по-разному: «самодетельность» (Маркс), «живое творчество масс» (Ленин), «историческое творчество масс» (Н. С. Злобин) или, как оно стало называться позже, – «социальное творчество» (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов¹).

Смысл этого понятия к 1970-х гг. окончательно был утоплен в ритуальном цитировании, превратившем его в конечном итоге в казенный штамп идеологической схоластики. Позднее постсоветский обыватель вообще «забыл» про него...

Современный обыватель: отказ от субъектности

Следует отметить, что это понятие вообще болезненно и с трудом прививалось на почве интеллигентского сознания (не только отечественного) уже с момента зарождения самой практики социального творчества. Уже одно название – *революционное творчество масс* – является для него чем-то пугающим: *революционные* (значит, бунтующие?) *массы как творец* (такое невозможно в принципе) *новой действительности* (это совсем непонятно).

Вопрос о роли масс в истории был предметом горячих дискуссий в его разных постановках еще до революции: могут ли низовые массы (трудящиеся) быть субъектом

¹ Понятие «социальное творчество» (из которого исходит автор) фундаментально разрабатывалась главным образом в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова. См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004. Ч. 4.

общественных перемен; в какой мере это возможно; в какой мере это допустимо. О недопустимости и чрезвычайной опасности этой идеи говорили и писали не только российские оппоненты большевизма², но и определенные научные авторитеты Запада. В этом смысле показательна позиция известного философа Ортеги-и-Гассета: *«При нормальном общественном порядке масса – это те, кто не выступает активно. В этом ее предназначение. Она появилась на свет, чтобы быть пассивной, чтобы кто-то влиял на нее, направлял... Она должна подчинить свою жизнь высшему авторитету, представленному отборным меньшинством. ...Стало быть, когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения; и так как именно это она сейчас и делает, я и говорю о восстании масс»*³.

Сегодня содержание понятия «социальное творчество масс» также остается закрытым для широкого общественного понимания, и причин для этого несколько.

Во-первых, мировоззрение российского индивида сегодня покоится, как правило, на признании господствующих отношений в качестве неких абсолютно неизменных трансценденций, определяющих его бытие, но от него никак не зависящих. Причем набор этих трансценденций может быть самым разнообразным по своей идейной ориентации: например, идея частной собственности; бог как субстанция всего сущего; рынок как универсальный механизм регулирования всех отношений; государство как социальный патрон; «русская идея» как знак особой национальной интеграции; Сталин как символ сильного государства; права человека как теодицея современного либерализма и многое другое.

Во-вторых, современный индивид, находясь во власти превратных форм общественной реальности и постепенно сам становясь их продуктом, способен понимать только превратные смыслы. Понятия (в том числе такие, как социальное творчество, энтузиазм), несущие в себе альтернативу миру господствующего отчуждения, оказываются недоступными для его понимания⁴.

В-третьих, индивид в значительной степени сегодня отчужден еще и от самого творчества, которое все активнее вытесняется из всех сфер жизнедеятельности ин-

² См.: Сорокин П. А. Предисловие. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994; Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // Бунин И. А. Великий дурман. М., 1997; Розанов Вас. Как начинала гноиться наша революция // Уединенное. М., 2006; Степун Ф. А. Мысли о России // Сочинения. М., 2000 и др.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 122.

⁴ В статье «Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма» (См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала. М., 2009) дан фундаментальный анализ тех социально-экономических отношений, которые как раз и порождают превратные формы бытия современного индивида.

дивида засильем «технологизма» разного рода, постепенно превращая его в функционера социальных, рыночных, политических институтов. Но даже тогда, когда процессы творчества имеют место, сегодня они, как правило, оказываются во власти превратных форм. В любом случае, современный индивид связывает творчество с чем-то конечным, преходящим, изменчивым. А вот превратные формы действительности, властвующие над ним, он воспринимает уже как некую трансценденцию, абсолютно неизменную во времени и пространстве.

В-четвертых, понятие «социальное творчество масс» не принимается обывателем, особенно «просвещенным», так как:

- предполагает разворот вектора его бытия на реальную действительность, а не на абстрактные трансценденции;
- вводит в качестве онтологического императива принцип *деятельностного бытия*;
- исключает принцип пустой игры со словом – *слово должно быть делом*;
- исходит из общественного, а не частного характера личных интересов индивида;
- предполагает *принцип организационной дисциплины* (а это уже совсем недопустимо для интеллигента⁵).

В любом случае понятие «социальное творчество масс» современным сознанием чаще всего воспринимается не иначе, как чуждая абстракция или идеологический знак прошлого тоталитарного нарратива. Все, что несет в себе идею человека как субъекта истории и культуры, – все это оказывается для него активно чуждым. Впрочем, это и понятно: отказавшись от того прошлого, которое было связано с субъектным бытием индивида, и одновременно боясь того будущего, которое невозможно без социально-творческой самодеятельности человека, современный индивид остается один на один лишь со своим настоящим. Но это настоящее оборачивается для него тем, что индивид, поглощаясь сетями рыночных и бюрократических отношений, обречен на самоотчужденное бытие. Кстати, проблема самоотчуждения сегодня обрела такие масштабы, что становится едва ли не первоочередной в ряду таких проблем как экологическая катастрофа, войны, терроризм.

Вот почему обращение к общественным практикам 1920-х гг. – периода Новой экономической политики, ознаменовавшегося не только интереснейшим опытом ге-

⁵ По поводу последнего Ленин еще в 1904 г. писал следующее: «Интеллигентскому индивидуализму... всякая пролетарская организация и дисциплина кажутся крепостным правом». См.: Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 344.

незиса социализма в условиях сохранения элементов прежней системы, но и невиданным (в дальнейшей истории СССР, равно как и в период после его распада) включением «рядовых» трудящихся в создание многообразных новых форм общественной жизни в самых разных сферах – от экономики и управления до искусства и спорта, – принципиально важно. Более того, именно этот процесс – социальное (революционное) творчество масс – лежал в основе социалистической тенденции НЭПа, и потому его изучение сегодня столь актуально, ибо в свое время это явилось важнейшей предпосылкой в деле преодоления отчуждения индивида от истории и культуры, а значит – и решения проблемы самоотчуждения.

Социальное творчество: массы и государство

Происходившие в 1920-е гг. революционные изменения задали тот ход общественного развития, который был связан с освобождением действительных отношений от всех форм отчуждения, порожденных не только прежним режимом, но и неразрешенными противоречиями уже новой советской действительности. Социальное же творчество как раз и есть не что иное, как *деятельностное преодоление отчуждения в его конкретно-исторической форме (разотчуждение)*⁶.

Причем социальное творчество несет в себе не просто отрицание отчуждения, а – что очень важно – созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т. п.), и потому оно является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека.

Надо отметить, что большевики (в отличие от других идейных течений) сумели, во-первых, ухватить в качестве главного вопроса проблему отчуждения и его преодоления, а во-вторых, связать решение этой проблемы с социальным энтузиазмом, творчеством революционных масс.

Социальное творчество 1920-х гг. стало тем действительно новым общественным отношением, благодаря которому у масс появилась возможность *самим* формировать содержание социальных отношений в экономике, в социальной сфере, культуре, т. е. самим определять большую политику – то, что Ленин называл «управлять государством». По этому поводу он писал следующее: *«Во что бы то ни стало надо разбить старьё, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только*

⁶ Введя в свой оборот понятие «разотчуждение», автор пытался раскрыть его содержание в целом ряде работ. См.: Булавка Л. Феномен советской культуры. М., 2008; Социалистический реализм. М., 2007; Советская культура как идеальное коммунизма // Критический марксизм. М., 2001 и др.

*богатые или прошедшие школу богатых классов»*⁷. Ленин связывает социальное творчество революционных масс с содержанием такого понятия, как «управление государством», и эта идея есть красная нить всех его трех теорий: революции, государства и культуры.

Надо сказать, что для идеологов большевизма принцип и дух социального творчества был достаточно органичным, вытекающим из природы их деятельности и образа их жизни еще в дореволюционный период. После революции идея социального творчества, творческой инициативы становится центральной в политике и идеологии новой власти.

Вот что по этому поводу писал Валериан Куйбышев: *«Не использовать растущую инициативу и творчество масс, значит, совершать прямое преступление в деле выполнения стоящих перед нами задач»*⁸. Об этом же писал в одном из циркулярных писем, адресованных правлениям синдикатов, трестов и красным директорам, народный комиссар Ф. Э. Дзержинский: *«...каждый хозяйственник должен втянуть массы в сознательное участие в производстве, дать им возможность коллективного творчества, дать возможность выявить все недостатки как аппарата, так и самого производства и указать способы их устранения и общими силами найти путь к улучшению, удешевлению и расширению производства»*⁹.

Итак, социальное творчество становится первым видом творчества, объектом которого являются *новые общественные отношения, а предметом* – не что иное, как *социальный институт (государство)*.

Все это тогда (впрочем, как и сейчас) казалось невысказанным делом: ведь государство до этого всегда являлось тем надличностным, бездушным субъектом, по отношению к которому любой индивид всегда выступал только в качестве объекта. Да и сегодня – разве это не так? И вдруг эта социальная машина, от которой так жестко зависит жизнь любого человека, становится (1) предметом, да еще и (2) творчества, да еще и (3) революционных низов.

Итак, включение революционных масс в управление государством стало первой составляющей социального творчества.

Социальное творчество и культура: противоречие

Вторая важная составляющая социального творчества – это его взаимосвязь с понятием «культура».

⁷ Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.

⁸ Куйбышев В. В. Социалистическое соревнование и самокритика // Избр. произв. М., 1958. С. 129.

⁹ Дзержинский Ф. Э. Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам // Избр. произв. М., 1977. С. 24.

Подчеркивая огромное значение социального творчества 1920-х гг., в то же время надо понимать, что революционные массы творили новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно, в меру всего того «культурного богатства», которое им дало царское самодержавие, при котором более 80% населения было безграмотным.

Положение с состоянием образования и культуры широких масс в России было настолько тяжелым, что Ленин отмечал: *«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России...Этому отуплению народа помещичью властью соответствует безграмотность в России... в России грамотных всего 21% населения, а за вычетом (из населения) детей дошкольного возраста, т. е. детей до 9 лет, всего 27%»*¹⁰.

Так что, казалось бы, уже сам уровень образования революционных масс, не отвечающий требованиям даже европейского культурного минимума, давал однозначный отрицательный ответ по поводу осуществления идей социального творчества.

Действительно, за этим вопросом стояло достаточно серьезное противоречие российской реальности 1920-х гг.: социальные преобразования не могут развиваться на базе низкого общекультурного уровня, в то же время повышение культурного уровня индивида невозможно вне созидательно-общественной практики.

Характерный для интеллигентских кругов ход суждений по поводу разрешения данного противоречия, как правило, выстраивался в известную цепочку, тянущуюся еще из народничества: сначала подъем культурного уровня – потом революция и социальные преобразования.

Сложность этого противоречия большевистские идеологи понимали очень хорошо. Это многократно подчеркивал и В. И. Ленин: *«При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма»*¹¹.

Однако большевики, в отличие от большинства интеллигенции, не испугались дать исторический «ход» известному противоречию между низким уровнем культуры и образования революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта общественных преобразований.

Тем самым феномен социального творчества с самого своего зарождения оказался сугубо противоречив. Однако он был реален.

¹⁰ Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения (Дополнения к вопросу о народном просвещении) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 127.

¹¹ См.: Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 168–169. Подобные оценки можно найти и в других его работах. См.: Т. 9. С. 155–156; Т. 11. С. 180–181; Т. 38. С. 165–166.

Идеологи большевизма понимали, что, во-первых, неразрешенность данного противоречия гораздо опаснее тех социальных «издержек», которые неизбежно являются при его разрешении.

Во-вторых, непосредственное включение революционных масс в социальные преобразования, т. е. в решение конкретных социально-экономических проблем, становилось – что очень важно – материальной предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре, без чего невозможны ни преобразование общества, ни самореализация личности индивида.

После завоевания политической власти, в период 1920-х гг., перед большевиками встала острая необходимость уже действительного разрешения данного противоречия.

Это диктовалось, во-первых, задачей вовлечения широких масс в управление государством, от чего зависела прочность политической власти большевиков, и особенно в период НЭПа, а во-вторых, задачей решения вопроса образования и культуры применительно к трудящимся, без чего невозможно было это управление.

И здесь важно подчеркнуть, что задачу вовлечения в управление государством большевики связывали не с какой-то узкой группой (профессионалов, партийных соратников или культурной «элиты», как это принято сегодня), а именно с широкими слоями масс. Эту мысль Ленин акцентировал постоянно: «...для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это – гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу задачу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций»¹².

Учитывая все этого, можно сказать, что уже сам замах на решение этого противоречия востребовал диалектику в масштабе гениальности. Революция вообще не терпит срединного, мелкого (интересов, мировоззрения, подходов), за что ее так и ненавидит мелочный обыватель, особенно «просвещенный».

Если же говорить о самом социальном творчестве, то следует отметить, что оно не было гомогенным: внутри него различались разные общественные тенденции, нередко вступающие в противоречия друг с другом. Это было обусловлено и тем, что социальное творчество осуществлялось в условиях жесткой революционной борьбы идей самоуправления и низового энтузиазма с бюрократизмом и патриархальностью, показывающими свою силу особенно в периоды политического излома, в частности, в период НЭПа.

¹² Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [Седьмой Экстренный съезд РКП (б) 6–8 марта 1918 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 53.

Понятно, что борьба большевиков шла за становление того, что Ленин называл «живым творчеством масс». *«Живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности»*, – подчеркивал он в одном из своих интервью, – *«...Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»*¹³.

Или, как сказал один из героев А. Платонова: *«Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьими бумажками наших учреждений»*¹⁴.

Революционные массы: открытие культуры

Социальное творчество 1920-х гг. стало важнейшей предпосылкой открытия революционными массами впервые смыслов и значения культуры. До революции культура для эксплуатируемых выступала главным образом в отчужденных формах: либо как праздное занятие господ, либо как особый инструмент насилия, эксплуатации, либо как особый и недоступный товар.

Включение индивида в процессы жизненного обустройства объективно рождало у него потребность в знаниях, умениях, творческих навыках как в важнейшей предпосылке созидания нового мира. Это соединение общественных преобразовательных тенденций с культурой рождало и новые интонации эпохи. Мордовский писатель Н. Л. Иркаев так характеризовал период 1920-х гг.: *«Время было такое: все вокруг нас звенело, пело... Мы были молодые – тоже хотелось петь и звенеть»*¹⁵.

Данная тенденция ярко проявилась и в практиках Парижской коммуны. Так, Луиза Мишель, получившая за свое участие на баррикадах Парижской коммуны прозвище «Красная дева Монмартра», в своих воспоминаниях о героических участниках Коммуны писала: *«Людям хотелось охватить все сразу: искусства, науки, литературу, открытия... Жизнь кипела. Все спешили бежать от старого мира»*¹⁶.

Важно отметить и еще одну особенность преобразовательных процессов 1920-х гг.: приоритетной сферой массового социального творчества стала прежде всего сфера культуры. Можно сказать, что социальное творчество происходило в первую очередь в форме культурной революции, которая сопровождалась такими богатыми по своему содержанию и противоречиям инновациями, что до сих пор остается культурным вызовом нашей замшелой постсоветской эпохе.

¹³ Ответ на вопрос левых эсеров [Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

¹⁴ Платонов А. Усомнившийся Макар // Платонов А. Впрок. Проза. М., 1990. С. 635.

¹⁵ Киреев А. Звонкий голос // Литературная Россия. 1976, № 21. С. 123.

¹⁶ Всемирная история. Т. 7. М., 1960. С. 31.

Надо сказать, что политика большевиков связывала идею культуры с решением разных конкретных социальных задач: ликвидацией безграмотности населения, включением его в разные формы художественного творчества, налаживанием органов местного самоуправления, привлечением и обучением масс навыкам общественного учета и контроля органов власти.

Кстати, В. И. Ленин не раз указывал (этого никогда не допустит современная российская власть) на важность вопроса повышения культуры масс, необходимой для организации учета и контроля над деятельностью всех органов власти, а для этого отчеты должны быть доступны каждому через газеты, журналы, листки на афишных тумбах. Вот что писал он об этом: *«Отчеты должны правильно читаться... группой коммунистов, по возможности из числа не состоящих в числе служащих и способных читать отчеты с вневедомственной, а только с коммунистической точки зрения. ...Необходимо бороться неуклонно за постепенное расширение круга обязательно печатаемых отчетов всяких экономических учреждений... ибо без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительно превращении полуазиатской страны в культурную и в социалистическую не может быть и речи»*¹⁷.

Надо отметить, что культурно-политическая стратегия большевиков базировалась на идее становления индивида как субъекта творческих преобразований общественной системы в целом. В этом отношении общественная ситуация 1920-х гг. при всех ее экономико-политических сложностях характеризовалась встречным движением культурной политики, идущей «сверху», и социального энтузиазма, прорывающегося «снизу».

Вот некоторые примеры¹⁸ из разных областей культурной политики большевиков 1917 – 1920-х гг., характеризующие ее особенность.

- Декабрь 1917. Комиссариат народного просвещения уничтожил посмертное право наследников на творение литературы и науки¹⁹. При этом произведения продавались по 1 руб. 50 коп. за один том, в то время как рыночная цена за такой же том их достигала 8–10 руб. и больше. Комиссариат продавал свои издания почти по себестоимости с надбавкой в 10–15% на накладные расходы²⁰. По словам В. Керженцева, в 1919 г. вся Россия была покрыта киосками и книжными магазинами²¹.

¹⁷ Постановление о работе заводов (заместителей председателя СНК и СТО) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 155.

¹⁸ Большую часть используемых в данной статье фактов автор подает, ссылаясь на их оригинальные источники, взятые им из книги: Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975.

¹⁹ Керженцев В. Культура и советская власть. М. 1919. С. 16.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Там же.

-
- «В царской России на 170 млн. жителей было всего 10 университетов. За период после Октябрьской революции только в пределах Европейской России возникло свыше 10 новых университетов»²².
 - Комиссариат Народного просвещения в лице его библиотечного дела принял все меры к сохранению частных библиотек, особенно расположенных в сельских местностях. Целый ряд крупных библиотек был спасен от возможного расхищения и гибели²³.
 - «Музейным отделом было обследовано свыше 60 помещичьих усадеб»²⁴.
 - «Комиссариатом были ассигнованы довольно значительные суммы на приобретение тех или иных особенно ценных документов и рукописей, в частности, было затрачено 50. 000 руб. на покупку рукописей Пушкина»²⁵.
 - «Румянцевскому музею только на покупку художественно-исторических ценностей было дано 250 000 руб.»²⁶.
 - «Советы организовали ряд своих собственных театров»²⁷.
 - 10 января 1918. Ташкент. Постановление СНК Туркестанского края об освобождении от воинской службы офицеров, имеющих звание учителя²⁸.
 - 13 февраля 1925. СНК принимает декрет «Об освобождении Российской Филармонии от всех государственных и местных налогов и сборов»²⁹.
 - 12 августа 1920. Азербайджанская ССР. Баку. Издаются приказы Народного военного и морского комиссариата «Об освобождении от призыва в войска работников просвещения»³⁰.
 - 4 февраля 1921. Наркомпрос объявляет конкурс азбук для подростков 15-17 лет³¹.
 - 4 января 1919. Туркестанская АССР, Семиреченский областной отдел по национальным делам принимает постановление о записи у народных акынов образцов народной поэзии и об использовании народных певцов для распространения в народе идей Советской власти и коммунистической партии»³².

²² Там же. С. 22.

²³ Там же. С. 19.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ Там же. С. 26.

²⁶ Там же. С. 28–29.

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ См. Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924). Сб. документов. Т. 1. Ташкент, 1973. С. 207.

²⁹ СУ РСФСР 1925. № 20. С. 138.

³⁰ СУ Азербайджана. 1920. № 4. С. 380, 393.

³¹ Известия ВЦИК. 4 февраля 1921. С. 3.

³² См. Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 106.

- 19 октября 1919. Туркестанская АССР. Ташкент. Постановление Президиума ЦИК Советов республик о сокращении рабочего дня до 6 часов для слушателей вечерних школ и курсов³³.
- 20 декабря 1919. Революционный Военный Совет республик издает приказ об организации 60 самостоятельных красноармейских театров (по одному при каждой армии) и 15 студий.
- Самое большое количество искусствоведческих книг (6 названий) было издано Казанским губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (совместно с политотделом штаба запасной армии республики)³⁴.

Следует отметить, что одним из важнейших принципов культурной политики большевиков 1920-х гг. была установка на развитие общественности как полноправного субъекта культурного строительства. Уже 30 ноября (13 декабря) 1917 г. Постановление Наркомпроса о реформе средней школы вводит коллегиальность, объявляется свобода слова и собраний учащихся³⁵. Кроме того, в нем говорится о том, что в местных органах СУ участвуют не только представители местных Советов, но и учащиеся старших классов, а также хозяйственные комитеты и родительские комитеты, которые осуществляют надзор, в том числе, за здоровьем детей и организацией бесплатных завтраков. Теперь обязательной является выборность педагогического состава, причем осуществляемая под контролем органов местного отделения народного образования.

А вот некоторые примеры деятельности большевиков в области школьного и внешкольного образования.

- С августа 1918 г. в составе внешкольного отдела НКП начала функционировать секция школ для взрослых и народных университетов. Эти внешкольные отделы координировали свою работу с деятельностью общественных организаций³⁶.
- Весной 1918 г. была I конференция по координации и распределения работы по внешкольному образованию. По сути это было первой попыткой планирования культурного строительства совместными усилиями государства и общественности³⁷.
- 20–27 ноября 1918. На I Всероссийском совещании заведующих финансовых и внешкольных отделов ГУБОНО задачи школьной работы было предложено решать местным органам, опираясь как на свою инициативу, так и на инициативу самого населения³⁸. Поэтому при

³³ Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924). Сб. документов. Т. 1. Ташкент, 1973. С. 144.

³⁴ Некоторые вопросы исследования советской культуры. М., 1987. С. 71.

³⁵ Известия ВЦИК. 30 декабря 1917. С. 18.

³⁶ Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 25.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 26.

каждом культурно-просветительном учреждении по внешкольному образованию взрослых было рекомендовано создать «особые советы из заинтересованного в том населения», которые были призваны осуществлять «контроль снизу» за проведением в жизнь директив НКП, способствуя «плановому втягиванию всего населения в работу по организации внешних учреждений»³⁹. Опыт на местах обобщался на так называемых «съездах-курсах». Таким образом, уездные и губернские съезды во многих случаях становились подлинными координаторами работы. С их помощью в ряде регионов страны стали создаваться общественные советы по внешкольному и народному образованию. Так в Самарской губернии, благодаря деятельности таких советов, число школ для взрослых выросло к 1919 г. с 21 до 471, народных университетов – с 2 до 19, культурно-просветительских кружков – с 16 до 160⁴⁰.

▪ 18 января 1918. Выходит Постановление Наркомпроса о заведовании студенческими делами и об участии студентов в управлении высшими учебными заведениями РСФСР⁴¹.

Установка большевиков на демократизацию культурной жизни 1920-х гг., с одной стороны, давала возможность местным органам иметь значительную политическую самостоятельность, а с другой – демократизм без централизации зачастую оборачивался появлением сильных тенденций сепаратизма.

Надо сказать, что действительно в 20-е гг. в различных областях возникает очень много общественных объединений в разных областях, причем наряду с этим подерживаются и развиваются те, которые возникли еще до революции. Приведем перечень лишь некоторых из них.

В области **общественных наук** группа обществ была очень пестрой. До середины 30-х гг. работали следующие общества:

- Истории и древностей при МГУ (1804–1929).
- Любителей российской словесности (1811–1929).
- Общество «Старый Петербург».
- Общество изучения Московской губернии и изучения русской усадьбы.
- В декабре 1919 г. образовалось научное общество марксистов.
- В 1925 г. возникло общество историков.

Научные и научно-технические общества:

Государственной сети прикладных институтов в дореволюционной России не было. Из 308 научных ячеек, учтенных Наркомпросом к осени 1918 г., 176 приходилось на долю кружков и обществ⁴².

³⁹ См.: ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 15, д. 41, л. 5; д. 21, л. 67-68 // Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 27.

⁴⁰ См.: Отчет о Первом Самарском губернском съезде по внешкольному образованию. Самара, 1919. С. 9 // Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 28.

⁴¹ Сб. декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Выпуск 2. М., 1920. С. 9.

В 1924 г. при Академии воздушного флота им. Жуковского создана секция межпланетарных сообщений (руководитель Ф. А. Цандер).

Медицинские объединения:

После Октябрьской революции продолжали свое существование следующие общества: вегетарианское, гомеопатическое, Лига борьбы с туберкулезом.

Научно-технические сообщества:

- В середине 1920-х гг. создается Всесоюзное общество друзей радио (ОДР, 1925–1934).
- Союз общества спасения на водах СССР (1928–1943).
- Всероссийское добровольное общество «Автодор» (1927–1935).
- Общество пролетарского туризма.
- В апреле 1922 г. было создано русско-германское общество (А. Эйнштейн, Конрад Матшос, Г. Арко, В. Мюнценберг, А. В. Луначарский, О. Ю. Шмидт, Г. М. Кржижановский, Н. А. Семашко, Л. Б. Красин).
 - В декабре 1918 г создается Всероссийская ассоциация инженеров ВАИ, которая объединила все дореволюционные технические общества при сохранении самостоятельности каждого⁴³.
 - В 1928 г. создается Общество «Техника – массам» (В. М. Свердлов, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов).

Политические:

- 7 сентября 1924 г. учреждается «Всесоюзное общество помощи пролетарскому студенчеству»⁴⁴.
 - Общество политкаторжан и ссыльных поселенцев (В. Фигнер, Ф. Кон, Ф. Петров).
 - Общество старых большевиков.
 - Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).
 - Общество социальной помощи.
 - Общество помощи рабочим Германии.
 - Общество взаимопомощи политических эмигрантов.
 - Международная организация помощи борцам революции (МОПР). Всего за 1922–1936 гг. было собрано и отправлено в помощь семьям политзаключенных более 90 млн.руб⁴⁵
 - 1922 г. – Общество по оказанию помощи политзаключенным.
 - 1924 г. – общество «Руки прочь от Китая». Движение было массовым.
 - К январю 1924 г. ячейки МОПР шефствовали над 30 тюрьмами. Рабочие Тамбовских ж/д мастерских «зачислили» к себе в цех несколько заключенных Варшавской и Бухарестской тюрем, выполняли их работу, а вознаграждение перечисляли подшефным (семьям).

⁴² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 19, д. 236, лл. 1–18.

⁴³ См.: ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 13, л. 16.

⁴⁴ Известия ЦИК, 9 сентября 1924. С. 4.

⁴⁵ См.: Урин С. Г. Что такое МОПР. М., 1936. С. 12.

Культурные общественные объединения:

- «Объединение «Киноки».
- Кино-группа ФЭКС.
- Союз работников художественной кинематографии СРХК.
- Общество строителей пролетарского кино.
- Общество друзей советского кино.
- Ассоциация работников революционного кино (АРРК).
- «Жизнь-творчество».
- «Бытие».
- «НОЖ».
- «Искусство-жизнь».
- «Жар-цвет».
- «4 искусства».
- «Общество им. Репина».

Музыкальные объединения

- Ассоциация современной музыки.
- Ассоциация пролетарских музыкантов.
- Объединение революционных композиторов и музыкальных деятелей ОРКИМД.
- Ассоциация камерной музыки.
- Бетховенское общество.
- Объединение «Музыка – массам».

Демократичность культурной политики проявлялась и в ее опоре на участие самих художников в социальных преобразованиях того периода. Открыто и искренне пошли навстречу революции К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. А. Мичурина-Самойлова, Е. Б. Вахтангов, А. И. Сумбатов-Южин, М. Н. Ермолова, а из числа ученых – И. П. Павлов, Н. Е. Жуковский, А. П. Карпинский, К. Э. Циолковский, Л. А. Чугаев, Д. К. Заболотный, Н. Ф. Гамалея, В. М. Бехтерев, Д. Н. Прянишников, А. Н. Бах, С. П. Федоров, А. Н. Крылов.

С инициативами социального творчества выступали даже представители интеллигенции, находящиеся в эмиграции. Так, например, в 1918 г. П. И. Бирюков, русский эмигрант, проживавший в Швейцарии, обратился к Луначарскому с просьбой о возможности возвращения в Советскую Россию и работы в Наркомпросе. У Бирюкова были идеи о реорганизации образования⁴⁶.

Многие художники нередко напрямую включались в процессы управления культурной политикой. Вот лишь некоторые тому примеры.

⁴⁶ См. ЦГАЛИ СССР, ф. 279, оп.1, 1918–1922, д. 138. С. 5–7.

-
- К. С. Малевич был назначен временно для охранения ценностей Кремля⁴⁷.
 - Май 1918. Создается комиссия по сохранению и распространению памятников живописи в России под руководством И. Э. Грабаря⁴⁸.
 - Октябрь 1918. Одним из руководителей Свободных государственно-художественных мастерских назначен В. Кандинский⁴⁹.
 - Январь 1919. В. Я. Брюсов назначен заведующим Московским отделом библиографического отдела Наркомпроса.
 - Сентябрь 1921. В Москве открывается государственная библиотека, показательный литературный техникум. Среди профессоров: А. Белый, В. Я. Брюсов, Айхенвальд.
 - 14 апреля 1923. Композитор А. К. Глазунов назначен директором Петроградской консерватории⁵⁰.
 - В 1925 году в Ленинградском государственном институте истории искусств преподавали Тынянов, Томашевский, Эйхенбаум, Жирмунский, Щерба, Виноградов, Ларин, Якубинский, Бернштейн⁵¹.

К процессам революционных преобразований подключались не только отдельные художники, но и целые творческие объединения:

- 11 апреля 1918. Собрание деятелей искусств, созданное Моссоветом, избирает Коллегию по делам изобразительных искусств – совещательный орган для координации работы художественных учреждений и оказания им помощи. В состав Коллегии вошли: В. А. Веснин, И. В. Жолтовский, С. Т. Коненков, П. П. Кончаловский, К. А. Коровин, В. Е. Татлин, А. В. Щусев, П. П. Малиновский и другие⁵².

Тенденция активного включения художников в революционные преобразования проявила себя достаточно ярко и в практике Парижской коммуны. Например, уже в апреле проходит Первое общее собрание художников Парижа, образующих Федерацию художников, признающих принципы коммуны. В соответствии с полномочиями Коммуны решением общего собрания президентом Федерации художников становится Гюстав Курбе. Кстати, во втором собрании художников участвовало уже более 400 представителей⁵³.

⁴⁷ Лапшин В. П. Искусство Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 149. Цит по: Некоторые вопросы исследования советской культуры. М., 1987. С. 61.

⁴⁸ См.: Грабарь И. О древнем русском искусстве. М., 1966.

⁴⁹ Искусство. 1919. № 2. С. 4.

⁵⁰ См. Известия ВЦИК, 14 апреля 1923.

⁵¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом // Новый мир. 1982. № 6. С. 235.

⁵² Из культурной жизни в СССР. 1917–1927. Хроники. М., 1975. С. 46.

⁵³ Шлеев В. В. Революция и изобразительное искусство. М., 1987. С. 14.

Главная цель этого объединения – помощь искусства «делу рождения и процветания Всемирной республики – объединения народов на базе социализма»⁵⁴. «Мы хотим произвести демократическую революцию. Лувр завоеван нами, и он будет нашей Ратушей. Мы поднимаем красное знамя живописи»⁵⁵, – такова программная декларация художников Парижской коммуны.

Программа культурных революционных преобразований Федерации художников предполагала, в том числе, приведение музеев города Парижа в нормальное состояние; открытие для публики картинных галерей и содействие работе, которая там обычно производится⁵⁶.

Взаимосвязь между культурой и конкретными социальными задачами позволяла, с одной стороны, актуализировать культурное наследие, а с другой – задавать гуманистический вектор развития уже самих общественных отношений.

Одним словом, социальное творчество давало возможность открывать новый социальный смысл культуры, которая для трудящихся становилась не зеркалом для нарциссического любования, не фетишем и не товаром, а в первую очередь – «рабочим инструментом» в деле (пусть порою примитивного, но от этого не менее великого) созидания новой общественной жизни. Понятие же «рабочий инструмент» для трудящихся – понятие не праздное, вот откуда у них появляется бережное отношение к культуре и творческое к решению самых разных социальных проблем. Вот некоторые примеры из хроники того периода:

- 1922. Студенческие дружины проводят безвозмездное обследование беспризорных детей⁵⁷.
- 24 августа 1919. Москва. Проводится день сбора литературы для Красной Армии под лозунгом «Книгу в окопы». Собрано несколько десятков тысяч экземпляров»⁵⁸.
- 16 июля 1921. Брянская губерния. Севский уезд. Крестьяне д. Хомичи весь заработок от возки дров употребили на постройку школы⁵⁹.
- Июль 1921. Татарская АССР. Лаишевский кантон. Крестьяне с. Байки на свои средства открывают показательную школу-коммуну для 40 детей⁶⁰.
- 10 ноября 1921. Брянская губ. Севский уезд. Граждане с. Невдольска обеспечили учителей хлебным пайком на целый год⁶¹.

⁵⁴ Там же. С. 16

⁵⁵ Там же. С. 21.

⁵⁶ Там же. С. 16.

⁵⁷ Правда. 31 декабря 1922. С. 3.

⁵⁸ Правда. 26 августа 1919. С.2.

⁵⁹ Известия ВЦИК. 16 июля 1921. С. 2.

⁶⁰ Известия ВЦИК, 4 августа 1921. С. 2.

⁶¹ Известия ВЦИК. 10 ноября 1921. С. 2.

- 10 ноября 1922. Томская губерния. Шахтеры Анжеро-Судженских копей постановляют отремонтировать рудничные школы своими силами в сверхурочное время⁶².
- 1 мая 1923. Московская губерния. Воскресенский уезд. В Павловской волости открывается дом крестьянина, построенный красноармейцами второго восстановительного батальона 18-го Железнодорожного полка и подаренный крестьянам как культурный центр⁶³.
- 24 июля 1923. Николаевск. Крестьяне Каменского уезда засеяли для школ 1415 десятин земли и для беспризорных детей – 303 десятины⁶⁴.
- 1 октября 1923. Казань. 2 тыс. рабочих фабрики им. Ленина принимают решение отработать два часа сверхурочно в пользу пролетарского студенчества⁶⁵.
- 21 марта 1926. Башкирская АССР. Крестьяне Белебеевского кантона содержат 156 красных уголков на свои средства⁶⁶.
- 8 июня 1920. Туркестанская АССР. Закаспийская область. Из Красноводска в первый рейс по аулам отправляется «Красный караван». В его состав входят лекторы, агитаторы, политработники, знающие местные языки⁶⁷.
- 25 июня 1920. Оренбург. На Форштатской площади ставится массовый героический спектакль «Сцены из жизни крестьянского казака Емельяна Пугачева»⁶⁸.
- 8 июля 1921. Архангельск. Вверх по Двине отправляется агитбаржа, оборудованная зрительным залом на 500 человек, кинопередвижкой, сельскохозяйственной выставкой, библиотекой, читальней, литературой по социальному воспитанию детей. Агитрабату осуществляли лекторская группа, театральный коллектив, агроном, инструктор по вопросам кооперации и товарообмена⁶⁹.
- 26 декабря 1923. В клубе рабкоров газеты «Рабочая Москва» проходит инсценированный «суд» над отделом газеты «По фабрикам и заводам», которому предъявлено обвинение в слабом отражении общественного мнения рабочих. «Суд» признает обвинение несостоятельным⁷⁰.

⁶² Правда. 15 ноября 1922. С. 4.

⁶³ Беднота. 4 мая 1923. С.1

⁶⁴ Известия ВЦИК. 26 июля 1923. С. 4.

⁶⁵ Известия ВЦИК. 3 октября 1923. С. 3.

⁶⁶ Беднота. 21 марта 1926. С. 4.

⁶⁷ Культурная жизнь в СССР. 1917-1927. Хроника. М., 1975. С. 197.

⁶⁸ Очерки истории русского советского драматического театра в трех томах. Т. 1917-1934. М., 1954. С. 50.

⁶⁹ Известия ВЦИК. 16 апреля 1921. С. 2

⁷⁰ «Рабочий корреспондент». 1924, № 1. С. 75.

- 20 мая 1924. Одесса. Сообщается о публичной защите в вечернем рабочем техникуме дипломных проектов первыми рабочими-инженерами, получившими высшее образование без отрыва от производства⁷¹.

- 14 июня 1924. Амурская губерния. Благовещенск. Организуется трехдневник «Долой неграмотность», во время которого устраивается митинг-карнавал и инсценировки, выпущена газета, проходит сбор денежных средств в фонд общества «Долой неграмотность»⁷².

- 13 февраля 1924. ЦЕКУБУ переведено в Берлин 2 тыс. долларов, составляющих часть средств, собранных в фонд помощи голодающим германским ученым (в связи с франко-бельгийской оккупацией Рурской области в январе 1923 г.). С той же целью в Германию отослано 100 ценных продовольственных посылок. От ряда учебных заведений Москвы, Ленинграда и других городов получены сообщения о произведенных в пользу германских ученых отчислений от зарплаты научных работников и преподавателей⁷³.

- 17 (30) декабря 1917. Петроград. Проходит учредительное собрание союза учителей-интернационалистов⁷⁴.

- 28 января (10 февраля). 1918. Тверская губерния. Бежецкий уезд. Совет крестьянских депутатов Теблешской волости принимает постановление об открытии в с. Теблеша библиотеки-читальни и ассигнует для этого специальные средства⁷⁵.

Период 1920-х гг. характеризовался не только развитием тенденции социального творчества, связанного с решением самых насущных проблем (очистка железнодорожных путей от снега, налаживание сельских школ и клубов, организация разгрузки товарных поездов, участие в формировании органов самоуправления и т. д. и т. п.), но и включением его субъекта непосредственно уже в процесс самого художественного творчества.

Более того, те исторические перемены, которые затронули период 1920-х гг., рождали у его субъекта острую необходимость постичь смысл происходящих событий; понять свой собственный интерес во всем этом и соотнести его с другими интересами. Так что для масс как для нарождающегося субъекта социально-исторических преобразований культура становилась формой осмысления их собственных классовых интересов и перспектив, проблем и противоречий.

Вот почему из всех видов самодеятельного художественного творчества, в которое включались тогда десятки тысяч молодых людей, *театр* являлся самой актуальной его формой, ибо он позволял в живом непосредственном диалоге совместно с другими выговаривать и проговаривать важнейшие вопросы и ответы по поводу

⁷¹ Правда. 20 мая 1924. С. 7.

⁷² Известия ВЦИК. 19 июня 1924. С. 4.

⁷³ Известия ВЦИК. 13 февраля 1924. С. 6.

⁷⁴ Народное просвещение (ежемесячник). 1918, № 1–2. С. 47, 49–51.

⁷⁵ Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 35.

своего бытия в нарождающейся новой жизни. *«Люди из народа отводили душу и беседовали о самом важном, о том, как и для чего жить и какими способами устроить единственно мыслимое и достойное существование»*, – писал об этом времени Б. Пастернак⁷⁶.

Этому в немалой степени способствовало еще и то обстоятельство, что доступ в те же театральные студии был открыт для всех желающих. Может быть, поэтому в это время «театр оказался самой устойчивой частью русской культуры», как писал Г. Уэллс⁷⁷.

Вовлеченность рабочих, крестьян, солдат в самодеятельное творчество уже за первые годы Советской власти стала настолько широкой, что уже к началу 1920-х гг. потребовались всероссийские съезды для обсуждения опыта, проблем и перспектив развития массового художественного творчества.

- Так например, в ноябре 1919 года (и это в условиях гражданской войны!) проходил Первый Всероссийский съезд рабоче-крестьянских театров, в котором участвовало 243 делегата (от коммунистов, эсеров, меньшевиков, и беспартийных) от 27 губерний⁷⁸.

- В 1921 году проходило Первое Всероссийское совещание музыкальных работников, т. к. еще в 1920 году в стране действовало уже 224 музыкальных студии Пролеткульта⁷⁹.

- Студии изобразительного искусства также открывались немедленно после освобождения территории от белогвардейцев: в 1918–1920 гг. по республике их насчитывалось 186, лишь в одном Петрограде участвующих в этих студиях было более 4 тыс. человек⁸⁰.

- На Первом всероссийском съезде пролетарских писателей (1921 г.) было представлено 36 ведущих ассоциаций пролетарских писателей из разных районов республики.

Так что «большевизм», провозглашенный новым варварством, в действительности оказался «одной из крупнейших культурных сил» XX века.

Социальное творчество как сфера развития личности

Социальное творчество, будучи особым видом преобразующей деятельности, можно рассматривать еще и как область реализации индивида как личности, т. е. развития его как субъекта творчества и культуры.

Вот что по поводу актуальности этой проблемы вскоре после революции писал Д. Выгодский: *«И мучит вопрос: как же создать, как же распространить для всех умение творить, и в первую очередь грамотность начальную? ...Нужно знание, могущее перевоспитать теперешнюю обстановку, теперешнюю жизнь, могущее*

⁷⁶ Пастернак Б. Люди и положения // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991. С. 780.

⁷⁷ См.: Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 36.

⁷⁸ Вестник театра. 1919. № 43. С. 5.

⁷⁹ ЦГАЛИ, ф. 1230, оп. 1, ед.хр. 1541, л. 28.

⁸⁰ Клейнборт Л. М. Рабочий класс и культура. М., 1925. Т. 2. С. 154–156.

отплить жизнь в такие формы, чтобы все люди могли свободно, полноценно творить. Никто не должен замалчивать в себе... мучительный вопрос: зачем жить?»⁸¹.

Другими словами, социальное творчество несло в себе не только логику разрешения общественных противоречий, но и являлось формой развития субъектности индивида – той формой, которая востребовала личность индивида как субъекта во всем богатстве его конкретных проявлений и потенциальных возможностей.

«Самое же главное было в том», – писал об этом времени С. Эйзенштейн, – «что здесь каждый укреплялся в осознании того, что делу революции нужен всякий. И прежде всего именно в своем неповторимом, угловатом, индивидуальном виде»⁸². Это обстоятельство и определяло гуманистический смысл социального творчества как такового, его культурное значение. Именно поэтому Ленин, исключая всякое украшательство своей позиции абстрактно-гуманистической риторикой (столь улаждающей слух интеллигенции), проблему социального гуманизма в первую очередь связывал с вопросом его реальных материальных предпосылок, вне которых все рассуждения на эту тему остаются лишь красивой, но пустой фразой.

Революционные преобразования и вандализм

Такой была одна, созидательная, сторона революции. Но была и другая. Правда истории и логика исследования противоречий революционных практик диктуют необходимость акцентировать и противоположную линию – разрушение в период 1920-х гг.

Но прежде чем говорить о разрушении культуры, следовало бы сделать одну поправку. Любая революция (с ее логикой перехода от старого к новому) всегда связана со сломом существующих общественных связей, правил, иерархий, т. е. с нарушением привычного порядка вещей, что неизбежно создает эффект гигантского разрушения.

И все же следует отметить, что наряду с нарастающей тенденцией объективной заинтересованности революционных масс в культуре одновременно проявлялось и вандалистское отношение к ней, и с этим требуется разобраться отдельно.

Во-первых, не надо забывать, что общественные преобразования, последовавшие после октябрьских событий 1917 г., осуществлялись в условиях социально-экономической разлуки, вызванной двумя недавно прошедшими войнами (Первой мировой и гражданской) и международной интервенцией против революционной России.

⁸¹ Выгодский Д. Пролетарское искусство // Жизнь – творчество. 1919. № 3. С. 12.

⁸² Эйзенштейн С. Нунэ // Избр. произв.: В 6 т. Т. 1. М., 1964. С. 315.

Во-вторых, за вандализмом, имевшим место в период 1920-х гг., стояло разрушение, главным образом, той части культуры, которая либо выступала инструментом подавления «низов» в царской России, либо была срощена с идеологическими символами прежнего режима. Этот вандализм был проявлением дореволюционного «культурного наследия», при котором трудящиеся массы, создавая «материальное тело» культуры, как правило, оставались отчужденными от нее. Это накапливающееся отчуждение от культуры, если и находило свое выражение, то, как правило, в отчужденных формах. А разве могло быть по-другому?

В-третьих, любая культурная революция наряду с пафосом культурного созидания и идеей качественного обновления мира неизбежно несет в себе и разрушение старых форм. Как писал Б. Эйхенбаум, крутые исторические переломы, в какой бы области культуры они ни совершались, никогда не исчерпывают себя в реформах, и потому навстречу «мирным» попыткам эволюции встает стихия революционная, пафос которой – в разрушении старых форм и традиций⁸³.

Подобный класс проблем возникал, конечно же, и в практике Парижской коммуны. Одним из красноречивых фактов, характеризующих драматизм революционных преобразований, является история с императорской колонной. «Дело в том, что Гюстав Курбе еще в начале падения Второй империи в сентябре 1870 высказывался за снос колонны и за то, чтобы перенести этот памятник на эспланаду Дома инвалидов и установить на пустынном месте, которое посещалось главным образом военными. Во время Коммуны Курбе оказался комиссаром по культуре и был близок к осуществлению своей мечты. Но общественное мнение Парижа требовало полного уничтожения колонны». 12 апреля 1871 г. по предложению Ф. Пиа Коммуна приняла декрет: «Парижская Коммуна, считая, что императорская колонна на Вандомской площади является памятником варварству, символом грубой силы и ложной славы, утверждением милитаризма, отрицанием международного права, постоянным оскорблением побежденных со стороны победителей, непрерывным покушением на один из трех великих принципов Французской республики – Братство, постановляет: Статья первая и единственная. – Колонна на Вандомской площади будет разрушена». Так и случилось: 18 мая 1871 г. при огромном стечении народа колонна была повалена на землю. После поражения Коммуны новое правительство подняло колонну, восстановило в очередной раз снятую статую Наполеона I и обязало Курбе по суду оплатить издержки. Имущество художника было распродано, но и после выхода из тюрьмы он был обязан платить 10000 франков каждый год. Через 7 лет Курбе умер в бедности⁸⁴.

В этой истории проявился весь взлет и драматизм художника-революционера.

⁸³ Эйхенбаум Б. Анна Ахматова // О поэзии. Л., 1969. С. 81–82.

⁸⁴ См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Вандомская_колонна.

И, наконец, *в-четвертых*, надо признать, что в эти годы не обошлось и без актов откровенного вандализма. «Пока революция наша шла стихийно – или, вернее, там, где она шла стихийно», – писал А. В. Луначарский, – «она, конечно, развертывала и слепые разрушительные силы...»⁸⁵

Этот вандализм шел из дореволюционного общественного уклада, который, с одной стороны, не позволял человеку развернуть свои творческие силы, но с другой – заражал его мелкобуржуазным сознанием. На этой почве как раз и вырастала чернотенная культура, о которой писал Ленин и на борьбу с которой поднялся большевизм.

Кроме этого, было еще одно обстоятельство, о котором пишет А. Бузгалин: «В условиях революции, когда установленный миропорядок рушится на глазах у звезряющего от этого хама, все это вкупе вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки. Именно такого обывателя-мещанина, взбесившегося от неопределенности и противоречий революций, от необходимости и (но) неспособности самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать «Хамом»»⁸⁶.

Кстати, Ленин не раз поднимал в своих работах и выступлениях эту болезненную проблему: «Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломают старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли»⁸⁷.

Кроме того, не следует забывать еще одно обстоятельство: в условиях дореволюционного формально-полицейского порядка любые интенции разрушения или протеста со стороны эксплуатируемых подавлялись, а в условиях устранения этого порядка они проявились во всей своей невоздержанности. Но ведь если бы массы обладали достаточным уровнем культуры, то в этом случае актуальность культурной революции оказалась бы под сомнением – можно было бы обойтись просто культурными реформами. Историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения масс в энергию социального преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции.

А такие задачи решить без диалектического подхода просто невозможно. Диалектика была востребована остротой тех общественных противоречий, которые проявились во всей полноте благодаря революции. Конкретные материалы эпохи 1920-х г.

⁸⁵ Луначарский А. В. Мир обновляется. М., 1989. С. 149.

⁸⁶ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 458.

⁸⁷ Приветственная речь 6 мая [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6–19 мая 1919 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 330.

показывают со всей очевидностью следующее: в той мере, в какой реальные противоречия получали свое диалектическое разрешение, что неизменно требовало от его субъекта и соответствующего самосознания, в той мере происходило и продвижение большевизма в той исторической логике, которая была взята Октябрем 1917 г.

Диалектический метод как метод конкретно-всеобщего был востребован и в практиках Парижской коммуны. Вот лишь один из примеров такого диалектического подхода. На одной из афиш клуба Никола-де-Шан (III округ) говорилось: *«Открывайте коммунальные клубы во всех церквях, священники могут отправлять в них службу днем, а вы будете заниматься в них политическим воспитанием народа по вечерам»*⁸⁸.

Критическое отношение к историческому опыту большевиков предполагает серьезный анализ не только того, что не получилось, но и того, что удалось осуществить. Про успехи же большевиков российские официальные СМИ-идеологи сегодня либо активно умалчивают, либо их извращают. Впрочем, это вполне понятно: стратегические прорывы большевиков, особенно в культуре, сегодня остаются актуальным и безответным вызовом всему эшелону современных российских идеологов (как либералов, так и консерваторов), почти неразличимых друг от друга в своей исторической слепоте, неталантливости и мелкомасштабности культурного измерения. Отсюда и весь их стратегический провал, особенно высвечиваемый успехами большевиков.

Кстати, достаточно точную портретную зарисовку этой категории современных российских стратегов дал в своей статье «Руководство к куроводству» еще в начале прошлого века один из лидеров меньшевизма – Ф. Дан, критикуя «Вехи» за то, что его авторы впервые провозгласили «идеалом» личности откровенно буржуазную личность, «идеалом» культуры – откровенно буржуазную культуру, а образцом «гармонии» – «западноевропейского буржуа»⁸⁹.

Противоречия социального творчества

Рассматривая вопрос социального творчества, нельзя не сказать несколько слов о его собственных противоречиях. Это достаточно серьезная проблема, заслуживающая специального рассмотрения. Поэтому в данном случае ограничимся лишь тем, что попытаемся сформулировать некоторые из них.

- Социальное творчество, будучи объективным процессом преобразований общественной реальности, тем не менее находится в достаточно сильной зависимости от его субъекта (революционных масс).

⁸⁸ French Historical Studies. 1960. Vol. 1, No 4. P. 400.

⁸⁹ Дан Ф. Руководство к куроводству // Вехи: Pro et contra. Антология. СПб., 1998. С. 453.

- Социальное преобразование, будучи по своему характеру творческим процессом, в то же время должно соотноситься с принципами формального регулирования этого процесса, так как, с одной стороны, оно связано с реализацией общественных интересов, а с другой – предполагает координацию усилий разных субъектов.

- Будучи носителем классового интереса и классового сознания, революционный индивид тем не менее должен находить такие решения социальных проблем, которые снимали бы в себе эту классовость. Другими словами, субъект социального творчества должен снимать *классовую природу* общественных противоречий в бесклассовость противоречий, относящихся уже к миру культуры.

- Социальное творчество, ориентированное на решение конкретных социальных противоречий, порожденных отношениями отчуждения, в то же время является способом включения индивида в культуру, т. е. в мир неотчужденных отношений.

- Выявляя всю меру культурной недостаточности масс, социальное творчество одновременно становилось и формой ее преодоления.

Мы назвали лишь несколько имманентных противоречий социального творчества, обеспечивающих его жизнедеятельность, причем ровно настолько, чтобы можно было решить многие противоречия действительности. И социальное творчество действительно решает многие противоречия, например: межнациональные; межрелигиозные; между «элитой» и «массой»; между двумя ипостасями революционного индивида (субъекта истории и субъекта культуры); между бытом и бытием; между объективным интересом революционного индивида и формой его субъективного осмысления; между представителями разных профессий и многие другие.

Диалектика социального творчества и культуры

Завершая эту статью, следует еще раз подчеркнуть конкретное значение диалектической взаимосвязи «живого творчества масс» с культурой.

Во-первых, участие революционных масс в социально-творческих процессах управления государством реально стало для них единственным способом открытия новых – содержательных смыслов культуры. Отчуждение от непосредственного участия в преобразующей практике порождает, как правило, и отчужденное отношение к культуре: либо потребительское, либо номенклатурно-ритуальное, либо коммерческое.

Во-вторых, участвуя в той или иной мере в процессах живого созидания общественных отношений, связанных с преодолением конкретных форм отчуждения, индивид объективно сам становился носителем разотчужденных отношений, т.е. воплощением живой конкретной альтернативы существующим формам отчуждения.

Другими словами, участие индивида в социальном творчестве одновременно становилось и механизмом его общественной самодетерминации. Соответственно, отказ индивида от субъектного принципа бытия в истории и культуре становится про-

логом к разным формам отчужденного бытия. Трагические последствия десубъективации советского человека, вызванные процессами сталинизации, бюрократизации, коммерциализации, – горькое тому доказательство.

В-третьих, социальное творчество одновременно имеет еще и гносеологическое значение, ибо посредством включения в преобразующую практику индивид познает качество, границы и противоречия не только реальности, но и самого себя. Другой вопрос, что в практике социального творчества далеко не всегда находили разрешение вскрытые им противоречия.

В-четвертых, социальное творчество стало формой нового типа демократии – деятельностно-креативной демократии «низов», которая столь актуальна сегодня уже в силу того, что является реальной альтернативой износившемуся институту представительной демократии.

В-пятых, социальное творчество становится субстанцией решения национального вопроса.

В-шестых, социальное творчество становится основой и способом развития гражданского общества и гражданского самосознания нового типа.

Можно смело сказать, что социальное творчество 1920-х гг. стало новой основой бытия и индивида, и общества, и культуры. Не случайно последующая сталинизация своим бюрократическим катком первым делом проедет по общественным и культурным движениям, возникших в первый революционный период. А ведь основой этих движений были живые люди, энтузиасты, убеждения, энергия и порыв которых были устремлены на то, чтобы, решая насущные проблемы жизни, растопить вековой лед отчужденных отношений и направить его на развитие человека и общества. Только в русле этой парадигмы общественного развития возможно осуществление формулы коммунизма по К. Либкнехту: «Коммунизм есть культура».

Вот в этом и заключался марксистский ответ на вековое историческое противоречие: без культуры трудящиеся не могут созидать жизнь, отвечающую их интересам, но в то же время никто за них этот «новый мир» не построит.